

Время потерялось в пространстве

Щедровицкий П.Г. *Время потерялось в пространстве* [Электронный ресурс]: ИА Nord-News. 23.04.2013.
URL: <https://nord-news.ru/topic/?mtopicid=551>

Какой путь выбрать нашей стране? К чему приведёт Россию положение сырьевой державы? И как эти глобальные вопросы связаны с таким понятием, как пространственное размещение? Об этом в интервью с экспертом по управлению развитием, членом правления фонда «Центр стратегических разработок «Северо-запад» Петром Щедровицким.

– Пётр Георгиевич, масс-медиа в последнее время вновь обратили внимание на тему территориального планирования. В России это малоизвестная дисциплина. Что можно о ней рассказать?

Давайте сразу уточним: надо рассматривать вопрос шире. Не только территориальное планирование, но в целом пространственное развитие, потому что территориальность - это только один аспект. А пространственное развитие учитывает гораздо больше факторов: наличие той или иной ресурсной корзины, инфраструктуры, как жесткой - например, железной дороги, так и мягкой - как скажем, мобильной связи. Также оно учитывает состав населения и его расселение, миграционные потоки, уровень урбанизации, размещение промышленных предприятий, причем как существующее, так и будущее.

– В таком случае, что в России расположено в соответствии с законами пространственного развития, а что противоречит им?

На этот вопрос - «что расположено правильно, а что нет?» -

невозможно ответить, потому что непонятно главное: правильно для чего? Для страны, которая специализируется исключительно на добыче и экспорте природных ресурсов, все расположено правильно, за исключением того, что нет выхода на восток. На запад есть, а на восток - нет.

- На восток - с целью торговать?

С целью отдавать туда ресурсы и что-то получать взамен. А теперь нам необходимо определиться, устраивает нас положение сырьевой державы или нет. Если да, то беспокоиться не о чем: останется только обеспечить для ресурсов выход на восточные рынки. Но здесь нужно понимать, что такое сырьевая держава через шаг. Это 50-60 миллионов населения, из которых 35 живет в Москве и Санкт-Петербурге, а остальные - в вахтенных посёлках, обслуживающих сырьевую экономику.

- А те, кто не захочет жить в вахтенных посёлках, уедут?

При средней продолжительности жизни в России - одной из самых низких среди индустриальной стран - население продолжает неуклонно сокращаться. Если бы не растущий поток мигрантов, приезжающих в страну для временного и постоянного проживания, мы бы уже сейчас вынуждены были признать: Россия единственная страна мира, население которой за 100 лет не изменилось. Часть людей будет продолжать уезжать: те, кто сможет встроиться в глобальную систему разделения труда.

И тогда какой может быть ответ на вопрос «что правильно расположено»? Где расположен золотой прииск? Там, где есть золото.

Он же не может быть там, где золота нет. Это было бы крайним идиотизмом. Хотя и такие примеры в советской истории известны: после революции мы продолжали развивать металлургию на Урале, где нет угля. В 20-е годы шла очень резкая дискуссия об этом в связи с тем, что там нет современного базового энергоносителя. Когда Демидов размещал свои уральские заводы, энергоносителем был древесный уголь, а сырьем - железная руда и лес, которого на Урале в то время было в избытке. Новая технологическая платформа требовала размещать подобные предприятия либо близко к угольным месторождениям, либо близко к портам, для обеспечения более экономичного доступа продукции на мировые рынки. Но Советский Союз мог себе позволить везти уголь «бесплатно» на Урал, чтобы на нем там делать металл.

- А какой смысл в этом был? Чтобы не терять отстроенную инфраструктуру, оставшуюся от Демидова?

С точки зрения экономики, смысла не было вообще.

- В таком случае, за что цеплялись те, кто настаивал на размещении металлургии на Урале?

За промышленный потенциал: там были рабочие, а в тот момент главной политической задачей была пролетаризация всей страны. Проводить «социалистический эксперимент» в стране, которая почти на 90% состоит из крестьян, крайне сложно, а поэтому необходима ставка на промышленные узлы. Понимаете логику? Именно поэтому столица в Москве, а не в интеллигентском Санкт-Петербурге. Поэтому Урал, где уже были сконцентрированы промышленные рабочие.

Перед Второй мировой войной задачи пролетаризации населения были дополнены задачами обеспечения устойчивости и безопасности промышленной системы в военных условиях. Промышленность размещалась там, куда самолеты не смогут долететь. Хотя, будем честными, дальность их полетов увеличивалась быстрее, чем строились сами заводы. Вот такая логика. С точки зрения эконом-географии и существовавших на тот момент теорий размещения промышленности, она не имела смысла. А с точки зрения стоящих перед новой властью политических задач - все очень правильно. Люди вообще в большинстве случаев принимают «рациональные» решения. Просто эта рациональность нам непонятна, а когда ее вскроешь, часто волосы дыбом встают.

– Хорошо, а если нас не устраивает положение сырьевой державы, как быть с пространственным размещением? И, кроме того, что именно мы будем размещать?

Вот с этого и надо начинать. Если мы не хотим быть исключительно поставщиком сырьевых ресурсов, то пришло время оценить возможность создания иного типа экономики, от которого будет зависеть что, где и как мы размещаем.

– Если, например, мы останавливаемся на инновационной экономике, так называемой экономике знаний?

Если мы хотим создавать новую индустриальную систему, основанную на экономике знаний, то у нее совершенно другая география. Как мы понимаем, экономика знаний не привязана к месторождениям нефти, газа и угля. Так вот пока для такого типа развития у нас ничего нет. Есть старые академгородки, которые Советский Союз создавал как

мета-шарашки периода научно-технической революции. Шарашки - научно исследовательские институты и конструкторские бюро тюремного типа - в тот период уже перестали быть эффективными как способ эксплуатации интеллектуального потенциала. Ученые, в основном, работали на свободе. Результатом нового общественного договора между научным сообществом и государством стала новая модель «шарашки» - без колючей проволоки, под названием академгородок, как, скажем, в Новосибирске, Томске или Пущино. Но сегодня эта модель, в свое время и по-своему эффективная, выглядит как промежуточное решение. На базе наших академгородков и наукоградов без существенных дополнений и изменений, конечно, современную инновационную экономику не выстроишь.

Повторюсь, ответить на вопрос, что расположено хорошо, а что плохо, невозможно, пока мы решили, какую экономику мы строим. Пока мы не ответили на два ключевых вопроса, которые стоят перед Россией с середины XVII века: «В чем специфика России?» и «Как при этой специфике обеспечить высокий уровень индустриального развития и качества жизни?» А в зависимости от этого ответа мы посмотрим на карту и скажем: это оптимально расположено, а это нет. И дальше будем думать над тем, есть ли у нас какие-то ресурсы для влияния на перетоки людей, капиталов, деятельности из одних территорий в другие.

- От идеи «Россия - аграрная страна» уже ничего не осталось? Делать ставку на аграрную экономику нет смысла? Ведь еще с XIX века существовал целый ряд работ наших исследователей, которые свидетельствовали о том, что у России огромный аграрный потенциал...

Правильно. Однако уже в XIX веке исследователи понимали, что климат и географические особенности России - естественные препятствия для

перехода к улучшенным системам сельского хозяйства и животноводства. Поэтому путь построения «аграрного капитализма» возможен, но очень длителен. На этот период придется также примириться с доминированием иностранного капитала и иностранных технологий в промышленности.

Сталинская индустриализация, напротив, была построена на других принципах: она сознательно разоряла крестьянство, сделав деревню поставщиком необходимых ресурсов для городской промышленности и фактически уничтожив ее. СССР сразу после Второй мировой войны столкнулся с проблемами продовольственной безопасности и не сумел в дальнейшем их решить. Сегодня в стране фактически не осталось крестьян. Много ресурсов: вода, необходимая для ведения товарного сельского хозяйства, неплохая земля. Но работать на этой земле некому.

– То есть каждый из исследователей, анализируя ресурсы, предлагал какую-то свою модель экономики для России?

Конечно. В том числе, и модель промышленного развития. Я бы сказал, что самые первые практические опыты велись самими промышленниками с XVII века. Когда начала развиваться индустрия, стали выбираться места для ее размещения и для транспорта ее продукции. Поэтому, например, металлургические заводы на Урале, расположение которых, как я уже говорил, было обусловлено наличием леса и, как следствие, древесного угля, потянули за собой рытье каналов, соединение в единую транспортную сеть естественных и искусственных водоемов. По ним можно было на судне или на барже привезти сырье на завод и отвезти продукцию до места потребления. С середины XIX века начались более подробные исследования специфики территории: климатической, ландшафтной, залегания

полезных ископаемых, готовности к выращиванию того или иного вида сельскохозяйственной продукции.

Такие ученые, как Корсак, Кулишер, Щапов, Потанин, Ядринцев, Воронцов, Семенов-Тянь-Шанский, Рихтер, Менделеев, уделяли огромное внимание исследованию специфики пространственного развития России. Они описывали особенности различных российских территорий, оценивали возможности складывания тех или иных хозяйственных форм, проводили районирование. Прежде всего - центральной России, но не только. Это уже пример научного подхода к осмыслению специфики тех ресурсов, которые нам достались. Хотя, по большому счету, в России с реальной пространственной политикой всегда было сложно: площадь огромная, и кажется, что все равно, как ее обустроить. Как говорится, «в России время потерялось в пространстве».

- А если отойти от глобальной идеи выбора типа экономики, то на бытовом, например, уровне, как в России с планированием пространства?

А вы не видите?.. И ключевая проблема, на мой взгляд, носит социально-психологический характер: как наши люди в целом относятся к пространству своей жизни.

- Что Вы имеете в виду?

Например, мы знаем, что, делая в квартире ремонт, можно на одном и том же метраже по-разному разместить комнаты: одну и ту же площадь спланировать под разные задачи, разный стиль жизни. И в одном случае будет удобно, а в другом - нет. Однако когда мы выходим из

дома, это понимание пропадает: мы не можем опыт планирования квартиры перенести на подъезд, двор, улицу и тем более - на страну. Поэтому не обустроены дворы, дома лепят друг на друга, не задумываясь о том, как люди будут ставить машины, как подъехать, где магазин, где школа. Поэтому предприятия разбросаны по стране так, что тратятся гигантские деньги на логистику. Поэтому существуют огромное число депрессивных территорий: никто не подумал о том, что предприятия одной отрасли нельзя собирать в одном регионе: если они обанкротятся, тысячи людей останутся без работы. А поскольку вот этого элементарного здравого смысла нет, любые разговоры о территориальном планировании воспринимаются как научно-теоретические изыски, как планы, которые рисуются в кабинетах.

- А какую актуальную проблему можно обозначить сегодня на Северо-Западе России?

Их масса, но, например, портовая структура. После развала Союза мы потеряли порты Прибалтики, стали делать новые, перенося туда часть нашего экспорта. Но это вопрос непростой. Та же дискуссия об Усть-Луге. Часть грузов у нас проходит через Санкт-Петербург. Если, например, этот порт специализируется на сыпучих грузах, то понятно, что транспортировка через Санкт-Петербург или около него определенного объема товаропотока нарушает экологию. Это не так просто: взяли, ткнули пальцем на карту и построили что-то. Или скажем размещение новых предприятий в Ленинградской области: там практически не осталось свободных трудовых ресурсов, а затраты на инфраструктуру и, скажем, стоимость электроэнергии для инвестора за пределами.

Любая, даже предварительная, гипотеза о пространственном

размещении чего-либо где-либо предполагает наличие какой-то генеральной схемы развития - выбора типа экономики, как вариант.

- А есть шанс эту генеральную схему создать?

Нет, до тех пор, пока не появится представление о перспективе дальнейшего роста. И в этом смысле сегодняшняя ситуация в России мало чем отличается от той, что была 100 или 200 лет назад. Тогда крепостничество закрепляло аграрную специализацию страны в мировой экономике. И эта специализация приносила серьезные доходы узкой группе крупных землевладельцев, а через налогообложение экспорта зерна - и казне, тормозя при этом развитие в других отраслях и, в том числе, в самом сельском хозяйстве. Вспомните известную фразу министра финансов царской России Ивана Вышнеградского: «Сами будем голодать, но зерно вывезем». Она не случайна: Вышнеградский озвучил идеологию правящего класса того времени. И сегодня страна также занимает в мировой системе разделения труда определенную нишу - поставщика ресурсов. Эксплуатация этой ниши - дело «накатанное», дающее понятный доход, не требующее никаких особых изменений, и терять ее никто не хочет. А пространственная организация лишь отпечатывает на территории след этой специализации. И ничего больше.

Материал на сайте:

<https://shchedrovitskiy.com/vremya-poteryalos-v-prostranstve>